

Се Фэй, глядя на глупый вид своего сына, почувствовал, как гнев поднимается к самому горлу. Он снова подошел и пнул его пару раз, так что сын покатился по полу, как бочонок:

— Подумай хорошенько сам, а я пойду к твоему третьему дяде.

Зал в доме подметали три раза в день, а утром и вечером протирали чистой водой — он был настолько чистым и блестящим, что в нем можно было видеть отражение. На Се Сылане осталась пара следов от туфель отца после пинка, но после пары перекатов по полу он не выглядел слишком грязным. Так как сейчас никого рядом не было, он просто снова перекатился по полу пару раз, обхватил ножку стула и задумался, бормоча:

— Неужели я действительно глупее старшего брата? Здесь точно что-то не так!

Тем временем, после того как Се Сылан упомянул об этом Се Лаосаню, тот все больше убеждался, что это отличная идея. Чем больше он думал, тем больше казал, что это хороший брак, и тут же позвал свою жену, чтобы вместе пойти с предложением о сватовстве. В результате же, как только жена Се Лаосаня услышала об этом, она сразу поняла, что это дело несерьезное. К сожалению, Се Лаосань был человеком упрямым: если он втягивался в одну мысль, то выбраться из нее уже не мог.

Когда Се Фэй пришел, жена Се Лаосаня уже выпила три чайника чая, пытаясь его отговорить:

— Второй брат, вы пришли как раз вовремя, скорее уговорите его. Как наш шестой сын может жениться на четвертой дочери Линя? Это совершенно неподходящая пара!

Се Лаосань, услышав это, снова готов был запрыгать:

— Почему это неподходящая? Я считаю, что это очень даже подходящее!

И тут же получил взбучку от второго брата. Спустя много лет третий сын семьи Се снова оказался под ногами второго брата, глубоко осознавая разницу между собой и двумя своими «сверхчеловеками»-братьями. Стоило ему похвастаться в армии — будь то личное боевое мастерство или стратегия — он всегда был в тройке лучших. Но как бы он ни был хорош, это все еще укладывалось в рамки нормального человека. А вот его два брата...

В их семье слова ничего не значили, истина открывалась только под кулаками. Отделав Се Лаосаня, Се Фэй начал притворяться образованным человеком: сел в сторону, стал пить чай и есть закуски:

— Третий брат, не упрямься, жена твоя права. Если это дело выйдет за порог дома, выглядеть будет некрасиво.

Се Лаосань фыркнул, видно было, что всё еще не согласен, но побоялся сказать больше ни слова.

Тогда Се Фэй прямо сказал:

— Третий брат, я не буду говорить о многом, скажу только об одном. Помнишь, как в прошлом году наш племянник избил Линя Далана, бросил его в дикие поля умирать и хотел свалить вину на Ху Саньлана? Ты это забыл или правда не знал?

Се Лаосань круглыми глазами уставился на него, резко поднял голову и лишь через долгое время промычал:

— Забыл.

И то верно. Как бы там ни жила семья Се, для внешнего мира они все равно были одной семьей. Линь Далан был старшим сыном и внуком семьи Линь. Даже если он не занимал поста при дворе, всё, что он сделал сейчас, могло бы помочь семье Линь продвинуться дальше, если бы не помехи со стороны того племянника. Сейчас они видели, что в руках у Линя Далана есть нужные им ресурсы, и пытались подружиться, реакция Линя Далана была обычной, казалось, отношения между двумя семьями неплохие. Но на самом деле между двумя семьями была вражда.

Особенно для Линя Далана это была вражда на смерть, хотя ему повезло выжить, но его чиновничья карьера была прервана, и обида была немалой.

Се Фэй больше ничего не сказал, ведь если бы и сказал, его третий брат всё равно не понял бы:

— Линь Далан человек великодушный, и господин Линь — благородный муж. То, что они не поднимают прошлых тем, не значит, что они забыли. Мы сами должны соблюдать меру.

В этот раз Се Лаосань серьезно признал ошибку и окончательно отказался от мысли об этом браке.

Они и не думали, что Ху Чэ узнает об этом деле — хотя бы по слухам. Он немного поразмыслил и понял суть, а когда погасили огонь и легли спать, рассказал это Линь Даню, а потом подытожил:

— Командиру Се тоже непросто, управлять такой семьей... Это и сердце, и силы теряет.

Линь Дань фыркнул:

— Я бы к ним уже за старые счеты приставился, а они еще на четвертую сестру положили глаз. В будущем, когда будем вести дела, будем с ними разбираться.

— Командир Се человек понимающий, такого не случится, — успокоил его Ху Чэ. — Если бы действительно заключили этот брак, это не принесло бы пользы ни семье Се, ни семье Линь. Император сейчас всё больше подозрительности проявляет, и к семье Се относится уже не как раньше. В такой момент, если бы семья Се взяла в жены девушку семьи Линь, это только подтолкнуло бы императора к семье Цай.

Что касается мыслей императора о семье Линь, то давным-давно доверия уже не было, и редко вспоминал он о них.

— Зачем вообще гражданским чиновникам с военными родниться? — гордо сказал Линь Дань.

— Мы уже решили, найдем для четвертой сестры мужа, который войдет в наш дом.

— Мужа, который придет в дом жены? Seriously? — Ху Чэ перевернулся, прижал Линь Даня к себе и, получив утвердительный ответ, нахмурился брови. — Нельзя. Во-первых, насчет мужа в доме жены. У четвертой дочери есть и старшие братья, и младшие, и причина приглашать мужа в дом не стоит. Во-вторых, среди бедных семей, конечно, есть много людей с хорошим характером, но четвертая дочь с детства жила в богатстве. Даже если она будет жить в своем доме, вы не подумали о том, что новому мужу будет трудно привыкнуть? Почему с древности при заключении браков говорят о равенстве семей? Первое — две семьи могут помогать друг другу, второе — привычки и среда схожи, иначе вместо родства приобретешь врага.

Линь Дань тоже понимал эту истину. Но когда дело касалось своих, он терял ясность ума. Он бессознательно потерся головой о грудь Ху Чэ и промычал:

— Это нельзя, то не подходит, неужели правда оставим четвертую сестру дома незамужней?

Ху Чэ от его тертый почти возбудился, но вспомнив труды последнего времени, решил дать ему отдых и сдержал огонь, крепче обняв:

— Не дергайся.

— Положи меня сбоку, так лежать мучительно, ты же не боишься, что тебя придавит?

Ху Чэ немного не хотел отпускать, но всё же повернулся на бок:

— Вот если бы ты мог меня придавить, то это было бы хорошо. Как ты ешь, а мяса не прибавляет. Обнимая Линь Даня, он чувствовал покой. — Что касается выбора мужа для четвертой дочери, у меня есть один кандидат, но он тоже не совсем подходит.

Линь Дань заинтересовался:

— Кто?

В комнате, где погасили свечи, стояла полная темнота. Хотя выражение лица Ху Чэ было явно насмешливым, тон его голоса был вполне серьезным:

— Гун Пэнпэн.

К сожалению, Линь Дань этого не видел и принял его слова за чистую монету, невольно тоже начал серьезно раздумывать:

— Кажется... тоже неплохой вариант.

Если смотреть с точки зрения общепринятых ценностей, Линь Мэй была дочерью от наложницы в боковой ветви рода, ее родной отец сейчас был мелким чиновником, копившим стаж, и в руках у него не было ни грамма реальной власти. Родной брат только что сдал экзамен на начальную ученую степень, что еще нельзя было назвать настоящим достижением.

Гун Пэнпэн был сыном от наложницы, живущим на стороне, и по происхождению уступал даже Линь Мэй. Его родной отец был человек ненадежный, мысли его вообще не крутятся вокруг женитьбы сына; что же до законной жены отца... Гун Пэнпэн был всего лишь сыном от наложницы, живущим отдельно, к тому же он представлял угрозу для ее родного сына, так что какая уж тут забота?

Брак — это союз двух фамилий, и главным критерием является равенство социального положения, характеры детей стоят на втором месте. Но что касается характера, то у Линь Мэй характер хороший, она считается талантливой и красивой, ее семья ее ценит, и приданое в будущем, очевидно, будет немалым.

Сам Гун Пэнпэн был парень с будущим, по всем показателям он превосходил не только сверстников семьи Гун, но и поколение старших. Его ценили старшие рода Гун. Сейчас он находился рядом со старшим дядей Линем, смог получить должность мелкого чиновника, имел хорошие отношения с несколькими военными, такими как командир гарнизона Инь, а также организовал обучение деревенских жителей и жителей поселков укреплению здоровья и

методам борьбы с разбойниками. После того как он несколько раз поймал бродячих разбойников, его имя уже гремело в области Учжоу.

Единственным изъяном было его происхождение, и семьи, которые на него смотрели, не могли это не учитывать. К тому же отец Гун Пэнпэна, что касается внутреннего двора, ситуация была лишь чуть лучше, чем в семье Сюй. Конечно, плюс в том, что если дочь выйдет за Гун Пэнпэна, то жить они будут отдельно.

Автор имеет сказать: Каждый день несу чушь.

Даньдань =□ω□=: Я хочу снести яйцо.

Муфта (⊙ω⊙): Я тоже хочу снести яйцо.

Даньдань γ (⌋▽⌋) ∇: Нет, ты не сможешь.

Муфта (□ □) ~→: Ты не сможешь.

Чепуха (?*?ω?)?: Хватит дурачиться, Муфта, ты не сможешь снести яйцо, Даньдань, пойдем снесем яйцо ♂

<http://bllate.org/book/17701/1652787>